

— Мы все время находимся в движении. Мчимся вперед, учимся. Россия — молодая страна; людей, которые не понимают современное искусство, нужно учить. Нужно объяснять им, что оно означает, символизирует, и эти люди перестанут осуждать современное искусство. Я художник, который верит в надежду. Вообще, мы всегда должны верить в хороших людей. И я свято верю в то, что хорошие люди победят.

— На одном из перформансов вы публично сжигали деньги. Как вы считаете, можно ли быть великим художником и создавать произведения искусства без каких бы то ни было инвестиций?

— Снова обратимся к истории. Ничего же не изменилось. Тесные отношения между коммерциализацией и визуальным искусством никуда не делись. Богатые люди любят искусство, могут себе позволить купить что хотят. Мама всегда спрашивала: как я считаю, что является более приятной вещью для обмена — деньги или слова? Я делал работы, которые продавались за £1 и за £1 млн. Все зависит от необходимости в деньгах, от пристрастия к своему делу. Я все равно буду рисовать, даже если никто не станет это покупать.

— Вы согласны с тем, что если производство искусства запрещают, то оно растет в цене?

— Я скорее свято верю в то, что красота и качество всегда будут побеждать и выживать. Время на моей стороне. Помните, как в песне Rolling Stones: «Time is on my side». (Поэт.)

— Время — хороший индикатор. И вы сами говорили, что, возможно, через 50–100 лет люди будут находить новые уровни в ваших работах. А сегодня вы читаете рецензии критиков, иногда они могут написать что-то, с чем вы категорически не согласны, или что-то, чего вы не вкладывали в свою работу. Вы пытаетесь — например, через аннотации или интервью — объяснить критикам, в чем они ошиблись?

— Постоянно. Постоянно спорю. Время — это партитура. Время — это камень, фундамент, на котором все строится. Но я не буду пытаться переубедить кого-то.

— Вы верите в Бога и дьявола?

— Я родился в типичной бельгийской семье. Моя мама была знатной и богатой католичкой, а отец — бедным коммунистом. Каждую ночь мама рассказывала мне истории из Библии. Из-за отца мы не могли ходить в церковь. В то же время благодаря маме история и судьба Иисуса Христа стала важной частью моих работ. Христос представляется мне чрезвычайно мудрым человеком. Учитывая все эти бесконечные конфликты с мусульманами, я всегда говорю, что мы должны быть такими же мудрыми, как Христос. Концепция прощения очень важна. Мы должны прощать. Несколько лет назад у нас с Мариной Абрамович был перформанс «Virgin/Warrior», и он как раз был о прощении. Сегодня, когда я стал старше, я посещаю много церквей. В церквях можно увидеть лучшие произведения искусства. Да, сейчас я определенно люблю ходить в церковь. Созерцать. Мне нравится идея, что церковь — это священная обитель, мне импонируют ценности, которые устанавливает церковь. Однако мне претят догмы.

— Господь один?

— Слава богу, я атеист.

— Не будь Бога, не было бы атеистов?

— Точно!

— Вас можно назвать исследователем красоты — вы находите красоту даже в

уродстве. Что казалось вам красивым в детстве?

— Когда я был ребенком, папа делал для меня разные замки, поля из стекла. А мама отдавала мне свою помаду, и я разрисовывал эти замки и поля. Красота всегда была со мной. Она связывала этические ценности с эстетическими основами.

— Вы много говорите о животных и о том, какими жестокими могут быть люди по отношению к ним. Собаки лучше людей? Они не наслаждаются жестокостью?

— О, нет, нет. Собаки жестоки! Это все старомодные идеи, которые нам пытаются привить в школе. Множество современных ученых утверждают, что животные гораздо более жестоки, чем люди. Иногда, если стая не хочет принимать новое животное, она пытается его. Звери очень жестоки. Это дурацкая идея — считать, что люди плохие, а животные хорошие. Но в то же время полагаю, что животные — лучшие лекари и философы в мире. Почему мне так нравится смотреть на животных и изучать их повадки, поведение? Тут все дело в том, что у них существует целая палитра инстинктов. Да, люди придумали компьютеры, но посмотрите на дельфинов. Они столетиями отправляют друг другу сигналы на дальние расстояния под водой. Мы должны уважать животных: мы так многому еще можем у них научиться! И в тот день, когда будет закрыта последняя бойня, люди станут другими. Я убежден, что тогда прекратятся и войны.

— Звучит как утопия...

— Да, художники стремятся к этому. Ищут утопию...

ЛЮДЕЙ, КОТОРЫЕ НЕ ПОНИМАЮТ
современные произведения, нужно
учить. Нужно объяснять, что они
означают, символизируют

«ВЕРНОСТЬ И ПОВТОРЕНИЕ СМЕРТИ», 2016 ГОД

«КАРНАВАЛ МЕРТВЫХ УЛИЧНЫХ СОБАК», 2016 ГОД

ВАЛЕРИЙ ЖУКОВ / ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ

— Вы мечтатель?

— Я романтик. Я изобрел выходные, которые длятся семь дней и семь ночей.

— Почему вы так много работаете с панцирями насекомых и прочими внешними скелетами животных? Ищете защиту? Строите себе укрытие?

— Хм, и это тоже. Мама, как я уже говорил, все время рассказывала про Библию и Христа — и тема Христа (об этом я тоже говорил) стала очень важной составляющей моих работ. Его жизнь — доказательство уязвимости людей. А я хочу построить внешние скелеты, которые защитили бы наши внутренние скелеты от ран, стигматов. В бу-

дущем людей никто не сможет ранить. Вот это и есть основная идея. Мы станем неуязвимыми!

— Но ведь иные слова могут ранить сильнее, чем физическое воздействие?

— Разумеется. Только это уже другая история.

— Какое качество в людях вы цените выше остальных?

— Силу уязвимости.

— Есть что-то такое, что вы никогда не смогли бы простить?

— Разрушение жизни. Я думаю, художники всегда должны быть на стороне жизни. Защищать жизнь.

— Поэтому символ вашего творчества — скарабей? Жук, которого в Египте считали мостом между жизнью и смертью?

— Да, скарабей — это мост между жизнью и смертью.

— Вы боитесь смерти?

— Нет, я дважды впадал в кому. И не боюсь смерти. Но жизнь мне нравится больше. Вся идея моего творчества заключается в праздновании жизни.